

УДАЧИ И ПРОСЧЕТЫ

Гастроли Новочеркасского театра в Ростове — это его творческий отчет. Пять спектаклей, показанных театром, в известной степени позволяют определить художественный облик коллектива, его искания и стремления.

Наиболее интересным и глубоким является спектакль «Последние» М. Горького (режиссер Г. Егизаров). Раскрывая распад семьи полицеймейстера Коломийцева, театр, верный горьковской мысли, разоблачает моральное разложение и растление всего дворянского класса, «последних» слуг гибнущего царского режима. На сцене — комнаты в доме Коломийцевых. В поведении действующих лиц, во всей атмосфере жизни семьи ощущаются грозные революционные события предоктябрьской эпохи, чувствуется обреченность мира «последних».

Смерительный образ Ивана Коломийцева создал Г. Иванов. Помер, произносящий трескучие фразы о долге и чести, Коломийцев — Иванов сам верит в свою человечность и порядочность. И только в сценах с женой Софьей, со старшими детьми Надеждой и Александром обнажается истинная сущность этого морального урода и зверя, лишённого элементарных человеческих чувств. Несколько раз в течение спектакля Коломийцев — Иванов в ответ на возражения домашних, выставив вперед голову, сжав кулаки, бросается вперед. Замечательная деталь. Вот так этот ползек бросается в полицейских участках на беззащитных заключенных, азбивал их и топтал ногами. Но

внешне импозантный — жалкий трус. Он панически боится всякого упоминания о революционных суждениях. В сцене с Соколовой — гордой и духовно стойкой матерью беззачинного осужденного юноши — не раскаяние движет поступками Коломийцева, а животный страх. Да, он боится этой пожилой, с усталыми глазами женщины и в своем страхе доходит до панической истерики.

Говоря об удачах спектакля «Последние», необходимо назвать всех участвовавших в нем актеров: А. Алексееву (няня Федосья), О. Дикову (Соколову), Н. Комкову (Любовь), Е. Кузнецову (София), Н. Кушнареву (Идежла), Т. Воронину (Вера), Н. Талочнова (Яков), Н. Журковского (Александр), Е. Мертенца (Петр), В. Решетова (Якорев), Л. Цейтлина (Леш). Размеры газетной статьи не позволяют говорить о них так подробно, как они заслуживают, но каждый из них внес большой вклад в спектакль, позволяющий театру создать настоящее произведение искусства. Радостно отметить и то, что повечеркация поняли и точно воплотили особенности горьковского стиля. Лаконичны, выразительны мизансцены, внешне сдержанна, но очень насыщена, эмоциональна игра актеров.

О больших творческих возможностях театра говорит и спектакль «Беспечальная старость». Он повествует о человеческих судьбах в революции, о месте и роли интеллигенции, о том, как Великий Октябрь открыл перед народом невиданные грандиозные светлые перспективы будущего.

Душевно чистым, страстно влюбленным в науку, мудрым и в то же время детски наивным рисует Г. Иванов профессора Полежаева,

Прониновенно передает артист постоянное осознание ученым необходимости революции, ее громадного значения для России. Великодушно проводит Иванов телефонный разговор Полежаева с Владимиром Ильичем Лениным. Окончив его, Полежаев говорит жене: «Ну, вот и поговорили!». Сколько в этой фразе радости, счастья, гордости старого ученого.

Спокойный, неторопливый Бочаров — И. Ситнов обладает сильной волей, упорством, настойчивостью. Умно, толко, тактично помогает Бочаров профессору Полежаеву разобраться в событиях, незаметно направляет ученого на верную дорогу. Бочаров — Ситнов любит этого беспечного, неутомимого, иногда ворчливого, но всегда принципиального старика.

Мария Львовна — Е. Кузнецова с полуслова понимает своего мужа, всегда старается помочь ему, ободрит шуткой, ласковым словом. Но она — не только тень великого ученого. Актриса показывает, что героиня умна, принципиальна. Она — единомышленник Полежаева, и сама сознательно приходит к пониманию революции. К сожалению, не получила очень важный для звучания всего спектакля образ матроса Куприянова. Артист В. Крахотин уделит все внимание внешней характеристике — «морской» походке, некоторой развязности и не показал духовного роста матроса, постепенного изменения его отношения к Полежаеву.

Хочется поспорить с режиссером С. Гильманом. Точно воплотил главную мысль драматургии произведения, режиссер совершенно неоправданно попытался расширить границы пьесы с помощью ряда формальных приемов. Перед каждым актом вводятся своеобразные заставки, которые якобы должны более глубоко передать обстановку времени действия. Так, зритель видит арест Бочарова, расстрел Мародера, надписи: «1916», «1918» и т. д. Совершенно непонятно

отсутствие завеса. И совсем уж решительное возражение вызывает сцена митинга. Вся эта введенная режиссером сцена носит только иллюстративный характер. Нам думается, что к созданию на сцене образа Владимира Ильича Ленина надо относиться более серьезно.

Вообще вся совокупность этих приемов вступает в противоречие с пьесой, разрушает ее содержание и форму. Пусть простят нам повторение старых и общезвестных истин, но ведь еще В. И. Немирович-Данченко писал, что театр существует для драматической литературы, и задача режиссера заключается в умении найти приемы и средства театральной выразительности, подходящие к данной пьесе и данному драматургу.

Только в одном спектакле — «Сержант милиции» мы увидели на сцене нашу действительность, встретились с современниками. И эта встреча, скажем откровенно, была не очень радостной и содержательной. Внешне занимательная, с острым, «закрученным» сюжетом, пьеса И. Лагутина нагромождает событие на событие и не раскрывает душевного богатства советских людей, их мыслей, чувств, переживаний. В пьесе отсутствуют не живые люди, а условные схемы положительных и отрицательных персонажей. Театр (режиссер Г. Егизаров) проделал громадную работу над пьесой. Некоторым актерам удалось частично оживить своих героев — И. Ситнову (Николай), Г. Егизарову (майор Григорьев), С. Предтеченской (Катюша), Н. Котомину (Толок), Н. Комковой (Цыганка), И. Згоняйко (Гусеница), но полностью преодолеть схематизм и поверхностность пьесы, естественно, не удалось.

То же произошло и с постановкой инсценировки романа П. Мельникова (Печерского) «В лесах». Сделан

для механически, при помощи ножниц и клея, инсценировка подготовила роман в плохую слезливую мелодраму. Трудно понять, чем руководствовался театр, принимая «В лесах» к постановке. В русской классической драматургии можно найти много интересных произведений, гораздо более убедительно рассказывающих о растлевающей силе денег в царской России. Изобретательная режиссура С. Гильмана, искренняя игра И. Таланова, З. Кобзевой, И. Кушнаревой, хорошее оформление Л. Зотова не смогли сделать чуда — превратить плохую пьесу в хороший спектакль.

Из произведений зарубежной классики театр поставил «Собаку на сене» Лопе де Вега (режиссер Г. Егизаров). Театр отказался от многих традиционных приемов музыки, танцев с кастаньетами, боготии, сценических обязательными для постановки испанских пьес и мешающих выявлению идеи произведения. Но исполнители роли Дианы — Н. Кушнарва и Теодоро — В. Журковский не сумели отойти от привычных канонов так называемых комедийных спектаклей. Не раскрыла Кушнарва с должной силой мучительную борьбу, происходящую в душе Дианы, между любовью к своему секретарю — бедняку Теодоро и феодалной моралью, запрещающей человеку жить по велению сердца. Интересный замысел оказался нереализованным.

Таковы пять спектаклей наших гостей. Они говорят о талантливости коллектива, о его возможностях решать в искусстве самые сложные и трудные задачи. Но гастроли показали и нетребовательность к выбору репертуара, и в отдельных случаях, поверхностное прочтение пьес. А главное — театр должен уделить больше внимания современности, созданию волнующих спектаклей о героических делах советских людей.

Л. БАИЛОВСКИЙ.